

Рукава Каэдэ, приехав в этот город, никак не ожидал, что окажется в ванной комнате Сакураги. Он даже не рассчитывал, что вообще встретит его.

Ирония судьбы.

Неприязнь и отторжение со стороны Сакураги ничуть не изменились за эти годы.

Говорят, время сглаживает многое, но, похоже, это не тот случай.

Рукава стоял под душем, позволяя горячей воде постепенно согревать озябшее, застывшее тело.

Он не собирался здесь задерживаться после того, как привез Сакураги домой. Ему не хотелось видеть, как тот мучается из-за его присутствия.

Он просто хотел посидеть в машине еще немного, впитывая остатки тепла, которое оставил после себя этот большой дурак.

Но проливной дождь перекрыл все пути, словно сама судьба распорядилась так, что единственным местом, куда он мог прийти, был дом Сакураги.

Рукава никогда не был пессимистом, но и оптимистом его назвать сложно.

Точнее, в его внутреннем мире нет понятия оценки. Есть только четкое разделение: делать или не делать.

Отличие Рукавы от многих других в том, что он не привык судить, выгодно ли ему что-то или высоки ли шансы на успех. Он обычно рассуждает так: хочу сделать — значит, сделаю.

Именно это желание привело его в этот город. А какой будет результат — это его волновало меньше всего.

Именно из-за такого подхода он сейчас пребывал в смятении.

Прямо как на вопрос Сакураги, он и сам не мог ответить: зачем он здесь?

Из-за того, что мысли блуждали где-то далеко, он пробыл в душе дольше, чем следовало.

Выйдя из ванной, он с кривой усмешкой посмотрел на банный халат.

Выражение лица Сакураги, когда тот швырнул ему эту вещь, было таким живым: Я не собираюсь одалживать тебе свою одежду. Сушилка там, пока твои вещи не высохнут, носи это.

Едва выйдя, Сакураги тут же вернулся и сердито добавил: Только не говори мне, что не умеешь пользоваться сушилкой!

Глядя на него, Рукава понял: если он скажет, что не умеет, Сакураги просто вышвырнет его за дверь.

— Я умею.

Грохот — Сакураги захлопнул дверь ванной.

Рукава посмотрел на халат в руках и не знал, смеяться или плакать: интересно, когда я уйду, он сразу выбросит эту вещь? И вообще, не странно ли ходить в одном халате, без белья?

Приняв душ, Рукава вышел в гостиную.

Дом Сакураги был оформлен в том же стиле, что и его старая квартирка в Канагаве: мебель массивная, простая, но повсюду расставлены мелкие вещицы — наверняка сувениры, собранные отовсюду.

Рукава даже заметил несколько керамических фигурок, которые видел еще в Канагаве. Когда-то Сакураги с таким воодушевлением рассказывал ему историю каждой из них.

Жизнь этого болвана всегда была такой до краев наполненной.

Хотя Рукава оказался здесь вынужденно, он бродил по дому, словно приглашенный гость.

Заходя, он успел мельком заглянуть в обувной шкаф, пока Сакураги доставал для него тапочки, а теперь прогуливался по комнатам, делая вид, что просто осматривается.

Немного походив, Рукава пришел к выводу: большой дурак живет один, никаких следов присутствия другого человека нет.

Это была хорошая новость.

Однако Рукава вспомнил недавние новости, и в душе снова заворочалось раздражение.

Голос Сакураги прервал его раздумья:

— Ты здесь с экскурсией или проводишь следственный эксперимент?

Рукава обернулся и с удивлением увидел на столе две миски с лапшой.

Сакураги нахмурился:

— Не хочу, чтобы завтра нашли твой труп от голода у меня в доме.

Рукава был поражен, не веря, что удостоился такой заботы.

Они ели лапшу, склонившись над мисками, совсем как когда-то. Рукава невольно погрузился в воспоминания.

То, как Сакураги ел, всегда вызывало аппетит. Рукаве казалось, что он может черпать энергию просто от того, как этот дурак уплетает лапшу.

— Спасибо за ужин, — искренне сказал Рукава. Он ведь только утром съел порцию в самолете, и это был его второй прием пищи за день.

Но если не заткнуть ему рот, это будет уже не Сакураги.

— Не обольщайся. Я готовил себе, просто случайно сделал лишнего, — Сакураги с силой прожевал кусок мяса.

— Готовишь себе лапшу так поздно? — Рукава не поверил.

Сакураги сверкнул глазами:

— Я проголодался, нельзя, что ли?

Рукава серьезно заметил:

— Спортсмену нельзя переедать, это вредно для мышц...

— Рукава Каэдэ, если ты сейчас же не закроешь рот, клянусь, я выброшу тебя прямо под дождь! — угрожающе прорычал Сакураги.

На самом деле, Сакураги не был таким уж добряком, чтобы посреди ночи стоять у плиты ради гостя.

Правда в том, что он сам проголодался.

Еда, которую он приготовил себе раньше, была безвкусной, как картон. Ни аппетита, ни удовольствия.

Но Сакураги ни за что не признается, что его настроение испортилось из-за того парня, который сидел в машине под дождем.

Когда Рукава вошел, он не был похож на мокрую курицу, но промок до нитки, а простудиться в таком состоянии проще простого.

Как бы Сакураги ни злился, он оставался добрым человеком, поэтому первым делом отправил гостя в душ.

Едва Рукава переступил порог, как тут же был с грохотом выдворен в ванную с криком: Мойся!

Если бы выражение лица Сакураги не было таким далеким от романтики, Рукава мог бы неверно истолковать цель своего приглашения.

Необъяснимая вспышка ярости Сакураги утихла, стоило ему услышать ровный шум воды из ванной.

Как только настроение пришло в норму, проснулись и потребности организма — он почувствовал голод.

А уж приготовил ли он лишнюю порцию случайно или нет — не так важно. Для Сакураги накормить незваного гостя было пустяком.

— Твоя лапша не хуже той, что мы ели в нашей старой забегаловке... — Рукава доел и от всего сердца хотел похвалить стряпню Сакураги, ведь он действительно скучал по тем временам в Канагаве.

Увы, Сакураги не из тех, кто любит комплименты. Он холодно перебил:

— Наелся — и проваливай спать. Гостевая комната там, — Сакураги указал направление.

Убирая посуду, он бросил через плечо:

— Как рассветет — чтобы духу твоего здесь не было!

Выставив гостя за дверь за несколько часов до рассвета, Сакураги даже не стал мыть тарелки,

бросил их в раковину и ушел в свою спальню.

Рукава лежал в кровати, но сон не шел.

Он был смертельно усталым, почти сорок часов без отдыха, но мозг никак не мог успокоиться.

Лежать с открытыми глазами до рассвета — случай для него редкий, поэтому посреди ночи он заказал билет на утренний рейс и ушел еще до восхода солнца.

В самолете он позвонил Локу, своему агенту и помощнику, попросил арендовать машину, а затем выключил телефон, заставив Лока вскочить с кровати в полном недоумении.

За все годы в Америке Рукава привык отсыпаться во время перелетов, но в этот раз он не сомкнул глаз, продержавшись до самого приземления.

Лежа в гостевой комнате Сакураги, он все еще чувствовал себя бодрым. Тело изнывало от усталости, но разум отказывался засыпать — это была настоящая пытка.

Рукава решил не мучиться: сел, включил свет и огляделся. На душе стало мягче.

Мало кто обустривает гостевые комнаты с таким уютом, обычно их делают максимально простыми.

Но комната Сакураги дарила тепло: от штор и освещения до постельного белья и прикроватного столика — чувствовалось, что хозяин вложил душу.

Если бы я был в нормальном состоянии, то спал бы здесь как младенец, подумал Рукава.

Но тут же в голову пришла другая мысль: эта комната не для него. Она для любого гостя, который мог здесь остановиться.

Кто здесь спал? Какие люди появлялись в жизни этого дурака, пока его, Рукавы, не было рядом?

Рукава разозлился и с раздражением выключил свет.

Дождь за окном стих, лунный свет пробивался сквозь тонкие шторы.

Рукава еще долго лежал, пока гнев не утих, затем встал и вышел из комнаты.

Сакураги, похоже, не любил плотно задергивать шторы, поэтому даже без света, в лунном сиянии, Рукава свободно ориентировался в гостиной.

Тихо приоткрыв дверь, он увидел спящего Сакураги.

Рукава постоял на пороге, затем медленно подошел и сел на край кровати.

Сакураги даже шторы в спальне не задергивает, слов нет.

Впрочем, Рукава смутно припоминал, что тот говорил, будто каждый день встает на пробежку с рассветом.

Наверное, чтобы комната сразу заливалась светом и не хотелось валяться в постели.

Интересно, когда у него появилась эта привычка? Если он начал так делать специально после того, как занялся баскетболом, Рукава готов был снять перед ним шляпу.

Мимика Сакураги всегда была очень богатой. Когда он был серьезен, люди боялись к нему приближаться. Когда был счастлив — выглядел как ребенок, а когда его обижали — начинал капризничать, вызывая жалость.

В общем, очень шумный человек.

Но Рукава никогда не видел его спящим. Даже когда они были близки, такого не случалось.

В основном потому, что Рукава всегда засыпал первым.

Так, как сегодня — тихо сидеть у кровати и смотреть на спящего Сакураги, — он делал впервые.

Большой дурак, во сне он выглядит еще глупее.

Подумав так, Рукава протянул руку и осторожно коснулся ладонью лица Сакураги.

Большой дурак, я очень по тебе скучаю. А ты?

Сакураги проснулся от утреннего солнца и, как обычно, сидел на краю кровати, пытаясь окончательно прийти в себя.

Вчера лег слишком поздно, поэтому сегодня чувствовал себя разбитым.

Вчера?

Вспомнив об этом, он мгновенно протрезвел.

В доме был еще один человек.

Головная боль. Как теперь быть с этой лисой?

Сакураги не имел ни малейшего представления.

Просто выгнать, вот и все. Дождь закончился, одежда наверняка высохла, причин оставаться здесь нет.

Приняв решение, Сакураги решительно направился в гостевую комнату.

Дверь была открыта. Сакураги замер.

Войдя, он увидел пустую кровать, на которой лежал небрежно сложенный халат.

Сакураги выбежал к выходу, распахнул дверь — машины Рукавы на месте не было.

Лиса, значит, ушел?

<http://bllate.org/book/21490/2200157>